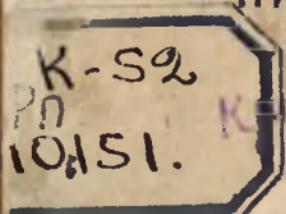


НИКОЛАЙ КЛЮЕВ.



ЛЬВИНЫЙ ХЛЕБ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАШ ПУТЬ
Москва—1922.



НИКОЛАЙ КЛЮЕВ.

ЛЪВИНЫЙ ХЛЕБ

„НАШ ПУТЬ“, Москва. 1922.

ЛЬВИНЫЙ ХЛЕБ

Псалтырь царя Алексея,
В страницах убрусы, кутья,
Неприкаянная Россия
По уставам бродят кряхтя.

Изодрана душегрейка,
Ональный треплется плат.
Теперь бы в сенцах скамейка,
Рассказы про Цареград.

На столе медовые пышки,
За тыном успенский звон...
Зачураться бы от наслышки
Про железный неугомон.

Как в былом всхрапнуть на лежанке,
Только в ветре порох и гарь.—
Не заморскую-ль нечисть в баньке
Отмывает тишайший царь?

Не сжигают ли Аввакума
Под вороний несметный грай?..
От Бухар до лопского чума
Полыхает кумачный май.

Замстает яблонным цветом
Душегрейку, постный псалтырь.
За плакатным советским летом
Расцветают розы, имбирь.

В лучезарии звездного сева,
Как чреватый колос браздам,
Наготово сияет Ева,
Улыбаясь юным мирам.

Свет неприкосновенный, свет неприступный
Опочил на родной земле:
Уродился ячмень звездистый и круиный,
Румяный картофель плачет в котле.

Облизан горшок белокурым Васяткой,
В нем прыгает белка — лесной солнопёк,
И пленники — грызь, маята с лихорадкой
Завязаны в бабкин заклятый платок.

Не кашляет хворь на счастливых задворках,
Нуста караулка и умер затвор,
Чтоб сумерки выткать, в алмазных оборках
Уселась заря на пуховый бугор.

Покинула гроб долгожданная мама,
В улыбке — предвечность, напевы в перстах...
Треух у тунгуга, у бура панама,
Но брезжит одно в просветленных зрачках:

Повыковать плуг — сошники Гималаи,
Чтоб чрево земное до ада вспахать,—
Леха за Олонцем, оглобли в Китае...
То свет неприступный — бессмертья печать.

Васятку в луче с духовидцем печкой,
Я ведаю, минет карающий плуг,
Чтоб взростил не меч с сарацинской насечкой
Удобренный ранами песенный луг.

Россия плачет пожарами,
Варом, горючей золой,
Над перинами, над самоварами,
Над черной, уездной судьбой.

Россия смеется зарницами,
Илеском вод, перелетом гусей,
Над чертогами и темницами,
Над грудой разбитых цепей.

Россия плачет распутицей,
Листопадом, серым дождем,
Над кутьев и Троеручицей
(! кисою, с пудовым замком.

Россия смеется бурями,
Блеском молний, обвалами гор,
Над столетьями, буднями хмурыми,
Где седины и мысленный сор.

Над моей заклятой тетрадкою,
Где за строчками визг бесенят..
Простираюсь перед укладкою
И слезам и хохоту рад.—

Там, Бомбеем и Ладогой веющий,
Притайся мамин платок.

О твердыни ларца, пламенеющий
Разбивается смертный поток.

И над Русью ветвится и множится
Вавилонского платы кайма...
Возгромит, возьмет, обожится
Материнская венчая тьма.

Я знаю, рождаются песни—
Телки у пегих лосих,
И не будут звезды чудесней,
Чем Россия и вятский стих

Города: Изюмец, Чернигов,
В словозвучье сладость таит;—
Пусть в стихе запылает Выгов,
Расцветет соловьиный сад.

По заставкам Болга, Оисга,
С нарусами, с дымом костров...
За морями стучит телега
Бессподадных мча седоков.

Черный уголь, кудесный ради,
Пар—возница, гулёха—сталъ
Едут к нам, чтобы в Китеж-граде
Оборвать изюм и миндаль,

Чтобы радужного Рублёва
Усадить за хитрый буеварь,
На столетье замкнется снова
С драгоценной поклажей ларь.

В девяносто девятое лето
Заскрипит заклятый замок,
И взбурлят рекой самоцветы
Ослепительных венцих строк.

Захлестнет невучая пена
Холмогорье и Целебей,
Решетом наловится Вена
Серебристых слов—карасей.

Я взгляну могильной березкой
На безбрежность песенных нив,
Благовонной, зеленої слезкой
Безымянныи прах окроив.

Умирают звезды и песни,
Но смерть не поднимет сумы,
Самоцветный лебедь Воскресни
Гнездится в недрах тюрьмы.

Он сословов девичьих алес
Ловит рыбок-- чиоки часов...
Нож убийцы и цепи злодея
Знают много воскресных слов.

И на исповеди, перед казнью,
Улей—сердце выводит пчел,
Над смертельной слезой, над боязнью
Поцелуйный реет орел.

Оборвутся часы капели,
Как луга, омыв каземат,
Семисвечником на постеля
Осенит убийцу закат.

И с седьмого певчего неба
Многовзорный скатится Глаз
Чтобы душу черней Эреба
Спеленать в лазурный атлас.

А за ним Очиститель сходит
С пламенеющею метлой,
Сор метет и пятна выводит,
Хлоноча, как мать, над душой.

И когда улыбка дитяти
Расплещет губ черноту,
Смерть—стрелок в бедуинском плате
Роковую ставит мету.

Проститься с лаптём — милягой,
С овином, где дед — Велес,
Закатиться красной ватагой
В безвестье чужих небес.

Прозвенеть тальянкой в Сиаме,
Подивить трепаком Каир,
В расписном бязоньем вигваме
Новоладожский править пир.

Угостить раджу солодягой,
Баядерку сладким рожком...
Как с Росслей, простясь с бумагой,
Киммерийским журчу стихом.

И взирает Спас с укоризной
Из угла на словесный иляс.
С окровавленною отчизной
Не печалит разлука нас.

И когда зазвенит на Чили
Керженский самовар,
Серафим на моей могиле
Вострубит светел и яр

И взлетит душа алконостом
В голубую млечную медь,
Над родным, плакучим погостом
Избяные крюки допеть.

Коровы—платиновые зубы,
Оранжевая масть, волторны в мяке,
На птичьем дворе гамаюны, инкубы
Домашние твари, курино—покорны.

Пшеничные рощи, как улей, медовы,
На радио солнце лелеют стволы.
Глухие преданья про жатву и ловы
В столетиях брезжат неясно—смуглы.

Цыгунки девушки ткут песнопенья.—
Уснова—любовь, поцелуй—уток,
Блаженна земля и людские селенья,
Но есть роковое: Начало и Срок.

Но есть роковое: Печаль и Седины,
Плакучие ивы и воронов грай...
Отдайте поэту родные овны,
Где зреет напев—просияной каравай!

Где гречневый дед—золотая улыба
Словесное жито ссыпает в сусек...
Тренит ремингтон, что Удрас и Барыба
В кунскамерной банке почили навек,

Что винк китовраса в заразной больнице
Гнусавит Ой-ра, вередами цветя...

Чернильный удав на сернижной странице
Пожрал мое сердце, иоэзии мстя.

Виктору Шимановскому.

Придет караван с шафраном,
С шелками и бирюзой,
Ступая по нашим равнам,
По отмели кровяной.

И верблюжьи тяжкие пятки
Умерят древнюю боль,
Прольются снежные святки
В ночную, арабскую смодь.

Сойдутся: вялич в тюрбане,
Поморка в тунисской чадре,
В незакатном новом Харане
На Гор лучезарной горе.

Переломят Кайн дубину
Для жертвеннного костра,
И затонит земную долину
Пылающая гора.

Города журавлиной станицей
Взбороздят небесную грудь,
Повенец с лимонною Ниццей
Укажут отлетный путь

И не будет песен про молот,
Про невидящий маховик,
Над Сахарою смугло-золот
Прозябнет Россия лик.

В шафранных зрачках караваны
С шелками и бирюзой,
И дремучи косы платаны
Целованные грозой.

Суровое булыжное государство,—
Глаза Ладога, Онего сизоводное...
Недосказ—стихотворное коварство,
Чутье следопытное народное.

Нос мужицкий—лось златорогий
На тропе убийства, всеземного кипения;—
Проказа на солнце, длинь изб пороги
Лухминней аравийского курения.

У порога избы моей страж осьминогий,
О, поверьте, то не сказка, не слова построчные!
Чу, как совы, рыдают могилы...
Все цепче, глазастее лучи восточные.

Мир очей, острова из улыбок и горы из слов,
Баобабы, смоковницы, кедры из нот:
Фа и Ля на вершинах, и в мякоть плодов
Ненасытные зубы вонзает народ.

Дарья с Вавилом качают Монблан,
Каменный корень упрям и скрипуч...
Встал Непомерный, звездистый от ран,
К бездне примерить пылающий ключ.

Чу! За божицю рыкают львы,
В старой бадье разыгрались киты:
Ждите обвала—утесной молвы,
Каменных несем из бездн красоты.

Гуды в коврике... То стадо слонов
Дебри пишеничные топчет пятой:
Ждите самумных, арабских стихов,
Пляски смоковниц под ярой луной.

Домик Петра Великого,
Бревна в лашу, косяки аршинные,
Логовище барса дикого,
Где тлеют кости безвинные.

Сапоги—шлюзы амстердамские,
С запахом ила, корабельного якоря,
Пакля в углах—седины боярские,
Лумы столетий без песни и баюря,

Правнуки барсовых стали котятами,
Топит их в луже мальченко—история...
Глядь, над сивушными, гиблыми хатами
Блещет копье грозового Егория.

Домик цетровский не песня Есенина,
В нем ни кота, ни базара лещужного,
Кружка голландская пивом не всенена:
Ала Россия без хмеля недужного.

Выловлен жемчуг, златницы татарские,
Пестун бурунний—добыча гербария,
Стих обмелел.. Сапоги амстердамские
Вновь попирают земли полушария.

Барсова пасть и кутья на могилушке,
Кто породнил вас, Зиновьев с Егорием?
Видно не даром блаженной Аринушке
Сиалиси маки с илакучим цикорием.

Зурна на зырянской свадьбе,
В братице знайный чихирь,
У медведя в хвойной усадьбе
Гомонит кукуший псалтырь:

„Борони Иван Волосатый
Берестяный Семиглаз“....
Туркестан караваном ваты
Посетил глухой Арзамас.

У кобылы первенец—зебу,
На задворках—пальмовый гул,
И от гумен к новому хлебу
Ветерок шафранный пахнул.

Замесит Орина ковригу,
Квашня—Семнадцатый год...
По малину колдунью—книгу
Залучил корявый Федот.

Быть приплоду нутром в Микулу,
Речью в струны, лицом—в зарю...
Всеплеменному внемля гулу,
Я подданный напев творю.

И ветвятся стихи—кораллы,
Неявленные острова,
Где грядущие Калевали
Буревые пожнут слова,

Где совьют родимые гнезда
Фламинго и журавли...
Как зерно залягу в борозды
Новобрачной, жадной земли.

В шестнадцать — кудри да носиделки,
А в двадцать — первенец, молодица, —
Это русские красные горелки,
Неопалимая феникс — птица.

Под тридцать — кафтан степенный,
Пробор, как у Мокрого Спаса, —
Это ивет живой, многоценный,
С луговин певца — китовраса.

Золотые столбы России;
Китоврас, коврига и печь,
Вам в пески и устья чужие
Привелось, как Волге, истечь.

Но мерцает в моих страницах
Пеклеванных созвездий свет.
Голосят газеты в столицах,
Что явился двуглаз — поэт.

Обливаясь кровавым потом,
Я несу стихотворный крест
К изумрудным Лунным воротам,
Где напевы, как сонм невест.

Будет встреча хлебного слова
С ассприйской флейтой—змеей,
И Великий Сфинкс, как корова,
На Сахару прольет удой.

Из молочных хлябей, как озимь,
Избяные взойдут коньки,
Засвирелит блеянием козьим
Китоврас у райской реки.

И под огненным баобабом
Закудахчет павлин—изба...
На помин олонецким бабам
Эта тигровая резьба.

На помин олонецким бабам
Воскурю кедровый стих;
Я под огненным баобабом
Мозг ковриги и звезд постиг.

Есть Звезда Квашни и Сусека,
Материнской пазушной мглы.
У пиджачного человека
Не гнездятся в сердце орлы.

За ресцами не вязнут перья
Пеклеванных драчливых стай,
Не магнит, а стряпка—Лукерья
Указуёт дорогу в рай.

Там сосцы тишины и крынки
С песенным молоком,
Нё поэты ли сиротинки
Позабывшие Отчий дом?

Нё по ним ли хнычет мутовка,
Захлебываясь в дрожжах?
Как словесная бронза ковка
Шепелявой прозе на страх!

Разыпалась мягкишем книга,
Буква „Н“--закваска в пере,
И Казбеком блещет ковриг
Каравану пестрых тире.

Осыпалась избяная сказка—
Шатер под смоковницей сусальной,
На затерянном судне полярная пасха,
Путешествие по библии при свечке сальной.

Пересохли подлавочные хляби,
И кит—тишина с гарнуком в ласту.
В узорной каргопольской бабе
Провижу богов красоту.—

Глядь, баба в парижской тальме,
Напудрен лопарский нос...
Примерещился нильской пальме
Сельдию холмогорский обоз.

За обозом народ—Ломоносов
В неснорадужном зипуне...
Умереть у печных утесов
Индустриальной волне.

Что б в коврижные океаны
Отчадил песенный флот...
Товарищи, отмстим за раны
Девы—сущи и Матери вод!

Ложесна бытия иссякли,—
В наших ядрах огонь и гром,
Пиринеи словесной пакли
Надут под тараном—стихом.

На развалинах строк,озвучий
Каркнет ворон—мое перо,
И прольется из трубной тучы
Живоносных рифм серебро.

Веще.иу другу А. Богданову,

Женилось солнце, женилось,
На ладожском журавле,
Не ведалось и не снилось,
Что дьявол будет в петле.

Что смерть попадется в сети
Скуластому вотяку...
Глядятся боги и дети
В огненную реку.

И видят: журавье солнце
На тигровом берегу
Курлыкает об Олонце,
Взнуздавшем коня—пургу.

Будя седую пустыню,
Берестяный караван
Везет волшебную скрыню
Живых, ледовитых ран.—

От хвой платану подарок,
Тапири—тресковый дар...
Тропически ал и жарок
Октябрьских знамен пожар.

Не басня, что у араба
Львиный Хлеб—скакун в табуне,
И новойник зырянка—баба
Эфиопской мерит луне;

Что плеяды в бурлацком взваре
Убаюкивает Ефрат,
И стихом в родном самоваре
Закипает озеро Чад.

Теперь бы Казбек—коврига,
Урал—румяный омлет...
Слезотечна старуха—книга,
Опечален Толстой и Фет.

По цыгански пляшет брошюра
И бренчит ожерельем строк.
Примеряет мадам культура
Усть—Сысольский яхонт—платок.

Костромские Зори—сережки,
Заонежские сапожки...
Строятся фиалины, кошки
В симфонические полки

Мандолина льнет к барабану—
Одalisка к ломовику...
По кумачному океану
Уплывает мое ку—ку.

Я кукушка времен и сроков,
И коврига—мое гнездо.
А давно ль Милюков, Набоков
Выводили глухое „до“.

Огневое „Фа“—плащ багряный,
Завернулась в него судьба,
Гамма „Соль“ осталась на раны
Песнолюбящего раба.

Ж Е Л Е З О.

Безголовые карлы в железе живут.
Заплетают тенета и саваны ткут,
Пишут свиток тоски смертоносным пером,
Лист убийства за черным измены листом.

Шелест свитка и скрежет зубила—пера
Чуют Сон и Раздумье, Дремота—сестра...
Оттого в мире темень, глухая зима,
Что вселенские плечи болят от ярма,

От железной пятны безголовых владык,
Что на зори идет власяничный башлык,
Плащаницу уныния, скуки покров,
Невод тусклых дождей и весну без цветов.

Громоносные духи в железе живут,
Моць с ударом, с Упругостью девственный Тру
Непомерна их ласка и брачная ночь...
Человеческий род до об'ятий охоч,

И горючие перси влюбленных машин
Для возжаждавших стран словно влага долин
Из магнитных ложеен огневой баобаб
Ловит звездных сорок краснолесьями лап.

И стрекочут сороки: „в плену мы, в плену“...
Допросить бы мотыгу и шахт глубину,
Где предсердие руд, у металла гортань,
Чтобы песня цвела, как в апреле герань,

Чтобы млечным огнем серебрилась строка,
Как в плотичные токи лесная река,
И суровый шахтер по излукам стихов
Наловил бы певучих гагар и бобров.

Солнце избу взнудало—
Бревенчатого жеребца,
Умчимся в эскуриалы,
В глагол мирового Отца.

С Богом станем богами,
Виссиями шелестя...
Над олонецкими полями
Взыграло утро—дита.

Сиамских шелков сорочка,
Карельские сапожки.
Истекла глухая отсрочка
Забытой русской тоски.—

На покосе индус в тюрбане,
Эфиоп—Вавилон приймак.
Провидит сердце заране
Живой, смаковничий мрак.

И когда огневой возница
Взнудывает избу,
Каргопольским говором Ницца
Провещает Руси судьбу.

Пустозерье кличет Хараном,
Казуарами—журавлей...
Плынут по народным ранам
Караваны солнц—кораблей.

И, внимая плескам великим,
Улыбается мать—изба,
А за печью лебяжьим криком
Замирает миров борьба.

Солнце верхом на овине
Трубит в лазоревый рог.
Как и при Рюрике ныне
Много полюдных дорог.

В Индию, в сказку, в ковригу...
(Горестен гусельный кус.)
Помнит татарское иго
В красном углу десус.

Грезит изба Гостомыслом,
Суслом тверезый корец.
Братья, по ранам иль числам
Огненный ведом конец?

Наше смертельное знамя
Сладостней персей и струи,
Пляшет тигренком над нами
Юное солнце коммун.

Эво,—ревун на раките,
Кафр—у тунгуга в гостях,
В липовом бабьем корыте
Плещет лагуною Бах.

В избах и в барках ловецких
Пляска сидонских ковров...
Тянет от пущ соловецких
Таборным дымом стихов.

Родина, я умираю,—
Кедр без влаги в корнях,
Возношусь к коврижному раю,
Где калач—засов на дверях!

Где изба—пеклеванный шолом,
Толоконная горотьба...
Сарафанным, алым подолом
Обернулась небес губа.

Сапожки—сафьянные тучи,
И зеизит—бахромчатый плат.
Не Кольцов, мандолинный Кардуччи—
Мой напевно плачущий брат.

Стать бы жалким чумазым кули,
Горстку риса стихами чтя...
Нижет голод, как четки, пули,
Костяной иглой шелестя.

И в клетушке издохла рябка,
(Это солнце сразил колтун.)
Не откроет куриная лапка
Адамантовых врат коммун.

Перед нимъ не вымолить корки
За сусальныи, пряничныи стихъ...
Жаворонками скороговорки
Утонули в далях пустых.

От былин, узорных погудок,
Только перья, сухой помет,—
И гремит литаврой желудок,
Янычар сзыяя в поход.

Родина, я грешен, грешен,
Богохульствуя и вляня!...
Осыпается цвет черешен—
Жемчуга Народного дня.

Не в окладе Спас, а в жилетке
С пронырою—кодаком...
Прочитают внуки заметки
О Черепе под крестом.

Скажут: „в строчках опет и раны,
Мужицкий, самумный вздох“...
Салтычихи и Тамерланы
Не вошли в Сермяжный чертог.

Но бумажные, злые черви
Пробравили Хризопрас,
От Маркони, Радио вервий,
Саваоф не милует нас.

И над сузальскою божницей
Изdevается граммофон;
Пламенеющей колесницей
Обернется поэта сон.

С Зороастром сядет Есенин—
Рязанской земли жених,
И возлюбит грозовый Ленин
Пестрядиный, влюевский стих.

Поселиться в лесной избушке
С кудесником—петухом,
Чтоб не знать, как боровы-пушки
Изрыгают чугунный гром.

Чтоб не зреть, как дымятся раны,
Роженичные ложесна...
На лопарские мхи, поляны,
Голубая сойдет весна.

Прибредет к избушке лосиха
Просить за пегих телят,
И пузатый пень, как купчиха,
Повяжет зеленый плат.

Будет месяц, как слезка, светел,
От росы чернобыльник сед,
Но в ночи кукарекнет петел,
Как назад две тысячи лет.

Вспыхнет сердце—костер привратный
Озаряя Терновый лик...
Римский век багряно-булатный
Гладиаторский множит крик.

И не слышна слеза Петрова—
Огневая моя слеза...
Осыпается Бога-Слова
Живоносная бирюза.

Нет иглы для низви и нити,
Победительных, чистых риз...
О, распините меня, распините,
Как Петра,—головою вниз!

Братья, мы забыли подснежник,
На проталинке снегиря,
Непролазный, мертвый валежник
Прославляют поэты зря!

Хороши заводские трубы,
Многохоботный маховик,
Но всевластней отроочьи губы,
Где живет иступленья крик.

По победней юноши пятка,
Ронци глаз, где лешачий дед,
Ненавистна борцу лампадка,
Филаретовских риз глазет!

Полюбить гудки, кривошины—
Снегиря и травку презреть.,.
Осыпают церковные липы
Листопадную, ржущую медь.

И на сердце свеча и просфорка,
Бересклет, где пчебечет снегирь.
Есть Купало, и Красная горка,
Сыропустная, блинная ширь.

Есть Россия в багдадском монисто,
С бедуинским изломом бровей...
Мы забыли про цветик душистый
На груди колыбельных полей.

Теперь бы герань на окнах,
Вотрушка, ворчун—самовар,
В зарю на реченье и коннах
Киноварно—сизый пожар.

Жизнь, как ласково—мерная пряжа
Под усатую сказку кота...
Свершилась смертельная кража,
Развенчана Масть—красота!

Слепящий венец и запястье
В обмен на сорочий язык...
Народное горькое счастье
Прозябло кустом павлика.

Силести бы веночек Марусе,
Но жутко пустынна межа,
И песенка уличной Руси—
Точильные скрипы ножа.

Корейцы, чумазые сербы
Заслушались визга точил...
Сутулятся волжские вербы
Над скорбью бурлацких могил.

На заводских задворках, где угольный ад,
Одуванчик взрастает звездистою слезкой;—
Неподвластен турбине незримый царьград,
Что звенит жаворонком и зябликом—тёзкой.

Пусть плакаты горланят: „падите во прах
Перед углем чумазым, прожорливой домной,—
Воспарит моя песня на струнных крылах
В позапечную высь, где Фавор беспотемный.

Где отцовская дума—цветенье седин,
Мозг ковриги и скарти девьи персты;—
Не размыкать сейсмографу русских кручин,
Гамаюнов—рыдающих птиц красоты.

И вотще брат—железо березку корит,
Что как песня она с топором не дружна,..
Глядь, в бадейке с опарою плещется кит,
В капле пота дельфином ныряет луна.

Заливаются иволги в бабьем чепце,
(Есть свирели в парче, плеск волны в жемчугах,)
Это Русь загрустила о сыне—певце,
О бизоньих вигвамах на вятских лугах.

Стих—черпак на родной соловецкой барже,
Где премудрость глубин, торжество парусов...
Я в историю в'еду на звонном морже .
С пододониою свитой словесных китов.

Сергей Есенину.

В степи чумацкая зола
Твой стих, гордынею остужен,
Из мыловарного котла
Тебе не выловить жемчужин.

И груз Кобыльих кораблей—
Обломки рифм, хромые стопы.
Не с Коловратовых полей
В твоем венке гелиотропы.—

Их поливал Мариенгоф
Кофеиной гущей с никотином...
От оклеветанных голгоф
Тропа к иудиным осинам.

Скорбит Рязанская земля,
Седая просом и гречихой,
Что, соловьиный сад трепля,
Парит есенинское лихо

Оно, как стая воронят
С нечистым граем, с жадным зобом,
И опадает песня сад
Над материнским строгим гробом.

В гробу пречистые персты,
Лапотцы с посохом железным,—
Имажбистские цветы
Прятят очам многоболезным.

Словесный брат, внемли, внемли
Стихам—берестяным оленям:
Олонецкие журавли
Христосуются с Голубенем.

Трерядница и Песнослов—
Садко с зеленою водяницей,
Не счасть певучих жемчугов
На нашем детище— странице.

Супруги мы... В живых веках
Заколосится наше семя,
И вспомнит нас младое племя
На песнотворческих пирах.

В васильковое утро белее рубаха,
В междучасие зорь самоцветна слеза.
Будет олово в горле, оковы и плаха,
И на крыльях драконьих седая гроза.

Многозубые башни укроют чертоги,
Где властители жизни—Епископ и Царь,
Под кандалльный трезвон запылятся дороги...
Сгиньте воронов стаи—словесная гарь!

В васильковое утро белее рубаха,
Улыбается печь и блаженна скамья,
За певучей куделью незримая пряха
Мерит нитью затон, где Бессмертья ладья.

На печной материк сходят мама и дед
Облеченные в звон, в душу флейт и стихов,
И коврижное солнце крупнитчатый свет
Проливает в печурки, где выводок слов.

И ныряют слова в самоцветную хлябь,
Ронят радужный пух занятых и тире...
О, горящее знамя—тигриная рябь,
Буйный молот и серп в грозовом серебре!

Куйте, жните, налите миры и сердца!
Шар земной—голова, тучи— кудри мои,
Мозг—коралловый остров, и слезку певца
Омывают живых океанов струи.

В заборной щели солнышка кусок—
Стихов веретено, влюбленности исток,
И мертвых кашек в воздухе дымок...
Оранжевый Сентябрь плетет земле венок.
Предзимняя душа, как тундровый олень
Стремится к полюсу, где льдов седая лень,
Где ледовитый дуб возносит сполох—сень,
И эскимоска—ночь укачивает день.—
В моржовой зыбке светлое дитя
До мамушки—зари прикурнуло, грустя,
Поземок—дед, ягельником хрустя,
За чумом бродит, ежась и вряхтя.
Душа—олень летит в алмаз и лед,
Где время с гарпуном, миров стерляжий ход,
Чтобы закликать Май, гусиный перелёт,
И в поле, как стихи, суслонный хоровод.
В заборной щели солнечный глазок
Глядит в овраг души, где слёзка—ручеёк
Звенит украдкою меж галек—серых строк,
Что умерла любовь и нежный Май истёк.

МАТЬ.

Она рожала десятерых
Краснозубых, ярых сынов;
В материнских косах седых
Священный сумрак лесов:

Под елью старый Велес,
Шено и сыр на костре,
И замша тюркских небес,
Как щит в голубом серебре.

Поет заклятая шаман,
Над жертвой кудрявится дым...
Родительский талисман
В ученую лупу незрим.

И мамин еловый дух
Гербарий не полонят...
Люблю величавых старух
В чьих шалях шумы ракит.

Чьи губы умели разжечь
В мужчине медвежий жар,
Отгулы монгольских сечь
И смертный пляс янычар.

Старушья злая любовь
Дурманнее белены,
Салоп и с проседью бровь
Таят цареградские сны.

В Софию в'ехал Мурат,
И Влахерн—пристанище змей...
Могуч, боговидящ и свят,
И сын сорока матерей.

И сорок титанов—отцов,
Как глыбу, тесали меня.
Придите, из певчих сосдов
Отпить грозового огня!

Строгоновские иконы—
Самоцветный, мужицкий рай;—
Не зовите нас в Вашингтоны,
В смертоносный, железный край.

Не обертывайте в манишки
С газетным хитрым листом,
По звенящей, тонкой наслышке
Мы Предвечное узнаем.

И когда златится солома,
Оперяются озима,
Мы в черте алмазной, мы дома,
У живых истоков ума.

Самоцветны умные хляби—
Непомерность ангельских глаз...
Караван к Запечной Каабе
Привезет виссон и атлас.

Парядяся в пламя и розы,
В Строгоновское письмо,
Мы глухие смерчи и грозы,
Запряжем в земное ярмо.

Отдохнет многоскорбный сивка,
От зубастых ножниц овца,
Брызнет солнечная наливка
Из небесного погребца.

Захмелеют камни и люди,
Кедр и кукуший лен,
И восплачет с главой на блюде
Плясая Кровавых Времен.

Огневые рощи — иконы
Восшумят: „се Жених грядет“...
Не зовите нас в Вашингтоны
Под губительный молот бед!

Узорные шаровары
Вольготней потных, кузнечных. . . .
Воронье да злые пожары
На полях родимых запечных.

Черепа по гулким печуркам,
В закомарах лешачий пляс,
Ускакал за моря каурка,
Добрый волк и друг—китоврас.

Лучше вихорь, песни Чарджуев,
На пути верблюжий костяк;
Мы борцы, Есенин и Клюев,
За ковригъ возносим стяг,

За цветы в улах у малайца,
За кобыльй сладкий удой,
Голубка и ржаного зайца
Нам испек Микула родной.

Оттого на песенной кровле
Воркование голубей,
Мы—Исавы, в словесной ловле
Обросли землей до грудей.

И в земле наших книг страницы,
Запятые—медвежий след,
Не свивают гнезд жаро-птицы
По анчарным дебрям газет.

На узорчатых шаровалах
Прикурнуть ли маховику?
Лишь пучина из глубей ярых
Выплескивает строку.

Маяковскому грезится гудок над Зимним,
А мне журавлиный перелет и кот на лежанке.
Брат мой несчастный, будь гостеприимным:
За окном лесные сумерки, совиные зарянки!

Тебе ненавистна моя рубаха,
Распутинские сапоги с набором,
В них жаворонки и грусть монаха
О белых птицах над морским простором.

В каблуке в моем терем кашеев,
Соловей—разбойник поныне,—
Проедет ли Маркони, Менделеев,
Всяк оставит свой мозг на тыне.

Всякий станет песней в ночевке,
Под свист костра, над излучиной сивой;
Заблудиться в моей поддевке
„Изобразительным искусствам“ не диво.

В ней двенадцать швов, как в году высокосном
Солнцовороты, голубые пролеты,
На опушке по сафьяновым соснам
Прыгают дятлы и белки—столетья.

И глокожим, головоногим претит смоль и черника.
Тетеревиные токи в дремучих строчках,
Свете тихий от народного лика
Опочил на моих занятых и точках.

Простой, как мычание, и облаком в штанах ка-
зинетовых

Не станет Россия, так венчает Изба.

От мереж осетровых и кетовых
Всплески рифм и стихов ворожба

Песнотворцу ль радеть о кранах подъемных,
Прикармливать воронов—стоны молота?
Только в думах поддонных, в сердечных домнах
Выплывается жизни багряное золото.

Блузник, сапожным ножем
Раздирающий лик Мадонны,—
Это, в тумане ночном,
Достоевского крик бездонный.

И ныряет, аукает крик—
Чернoperый, колдующий петел,
Неневестной матери лик
Предстает нерушимо светел.

Безобиден горлинка-нож
В золотой, коврижной потребе.
Колосится зарная рожь
На ваддайском, ямщицком небе.

И звенит Достоевского боль
Бубенцом плакучим, поддужным. . .
Глядь, кабацкая, русская голь,
Как Мадонна, в венце жемчужном!
Только буйственна львенок-брада,
Ястребята—всезрящие очи. . .
Стали камни, огонь и вода
До иуршувовых сказок охочи.
И волхвующий сказочник я,
На устах огневейные страны. . .
Достоевского боль, как ладья,
Уплывает в ночные туманы

Повешенным вниз головою
Косматые сняться шатры
И пламя с безвестной молью
У аснидо—синей горы.

Там девушка тигру услада,
И отрок геенски двуд.
Захлестнутым за ноги надо
Отлить из кровинок сосуд.

В нем влага желёз, сочленений
И с семенем клей позвонков. . .
Страдны казненному сени
Незыблемых горных шатров.

Смертельно пеньковой троцою
Достичь материнской груди. . .
Повешенных вниз головою
Трецеткою рифы не буди.

У вечерни два человека—
Пон да сторож в чуйке заплатаной.
На пороге железного века
Стою, мертвец неоплаканный.

Бог мой, с пузом распоротым,
Выдал миру тайны сердечные;—
Дароносица распластана молотом,
Опципаны гуси—серафимы млечные.

Растреляны цветики на проталинках,
И мамины спицы—кудесницы. . .
Снегурка в щубейке и валенках
Хнычет у облачной лестницы.

Войти бы в божью стряпушью
Где месяц—калач анисовый. . .
Слезинка над жизненной пущею
Расцветет, как сад барбарисовый.

Сици мамины свяжут Нетленное—
Чулки для мира голопятого,
И братина—море струнно-пенное
Вынеснет Садко богатого.

Выстроит Садко Избу соборную,
Подружит Верхарна с Кривошленовой
И обрядит Ливерпуль, Каабу узорную
В каргопольскую рубаху с прижкой Обеновой.

Убежать в глухие овраги,
Схорониться в совьем дупле,
От пера, колдуны—бумаги,
От жестоких книг на земле.

Обернуться малой пичугой,
Дом—сучек, а птица—роса
Чтоб не знать, как серною вьюгой
Курятся небеса.

Как в пылающих шлемах горы
Навастривают мечи. . .
Помню пагодные узоры,
Чайный сад и плеск че-чун-чи.

Гималаи видели ламу
С ячменным русским лицом. . .
Песнописец, Волгу и Каму
Искрепаю ли пером?

Чтобы в строчках плавали барки,
Запятые, как осетры. . .
Поморецкий голос татарки
Чародейней прижи сестры.

В веретёнце жалобы выюги
Барабинская даль в зурнё. . .
Самурай в слепящей кольчуге
Кутиною предстанет мне.

Совершит обряд хаакири:
Вынет душу, слезку—звезду. . .
Вспоминает ли о волжской шире
Китайченок в чайном саду?

Домекнутся ли по Тян—Дзину,
Что под складками че-чук-чи
Заневают, ласкаясь к сыну,
Заонежских песен ключи?

Незримая наутика
Звенил как память, как миг.
Вьется жизненная тропинка
Перевалом пустынных книг.

Спотыкаюсь о строки—кварцы,
О кремни точек, тире.
Вотяки, голубые баварцы
Притекают к Единой заре.

На пути канканами книги:
Тургенев, жасминный Фет.
На пламенной ли квадриге
Вознесется русский поэт?

Иль, как я, переметной сумкой
Будет мыкать горе—судьбу?
Ах, родиться бы недоумкой
Песнолюбящему рабу!

Не знать бы „масс“, „коллектива“,
Святых имен на земле. . .
Львиный Хлеб—плакучая ива
С анчарным ядом в стволе.

Надпись на портрете

НИКОЛАЮ ИЛЬИЧУ АРХИПОВУ.

Портретом ли сказать любовь,
Мой кровный, неисповедимый! . .
Уж зарумянилась морковь,
В рассоле нежатся налимы.

С бараньих почек сладкий жир,
Как суслик, прыскает свечею,
И вдовий коротает пир
Комар за рамою двойною.

Салазкам снится, что зима
Спрыдывает зайчью порошу. . .
Глядь, под окно свадила тьма
Лохмотьев траурную ишту.—

Там шепелявит коленкор
Подслеповатому глазету:
„Какой великолестный сор
Поэт рассыпал по портрету,

Как восковина строк горька,
Горбаты буквы—побиушки! . . .
О, только б милая рука
Легла на смертные подушки!

О, только б обречь любовь
Созвучьям—опьяненным пчелам,
Когда кровавится морковь,
И кадки плачутся рассолом!

Чернильные будни в комиссариате,
На плакате продрог солдат,
И в папахе, в штанах на вате,
Желто—грязен зимний закат.

Завтра поминальный день,
Память расстрелянных рабочих.
Расцветет ли в сердцах сирень
У живых, до ран не охочих?

Расплетут ли девушки косы,
Старцы воссядут ли у ворот,
Светорунные мериносы
Сойдутся ль у чермных вод?

Пахнет ли вертоград изюмом,
Банановой похлебкой очаг?
Вторя смертельный думам
Треплется советский флаг.

Как будто фрегат багряный
Отплывает в безвестный край. . .
Восшумят в печурке платаны,
На шесток взлетит попугай.

И раджа на слоне священном
Посетит карельский овин,
Из ковриги цветом нетленным
Взрастет златоствольный крия.

Вспыхнет закат - папаха,
Озарит потемки чернил,
И лагунной музыкой Баха
Важурчит безмолвье могил.

У соседа дочурка с косичкой—
Голубенький цветик подснежный.
Громыхает, влекомо привычкой,
Перо, словно кузов тележный.

На пути колеи, ухабы,
Недозвучья—коровья мухи.
Стихотворные дали рябы,
И гнусавы рифмы—старухи.

Ах, усладней бы цветик—дочка,
Жена в родильных веснушках!
Свернулась гадюкою точка,
Ни зги в построчных макушках.

Громыхает перо—телега
По буквам—трясским ухабам. . .
Медвежья хвойная нега
Внимать заонежским бабам.

В них вече и вольгова домбра,
Теремов слюдяные потемки. . .
Щекочет бесенок ребра
У соседа—рыжего Фомки.

Оттого и дочка с косичкой,
Перина, жена в веснушках.
Принжен гения вличкой
Я крот в певучих гнилушках.

По мне пролеткульт не заплачет,
И Смольный не сварит кутью,
Лишь вечность крестом обозначит
Предсмертную песню мою,

Ла где—нибудь в пестром Харане
Шубиц, свершивши намаз,
О раненом солнце тимиане
Причудливый сложит рассказ.

И будет два солнца на небе,—
Две раны в гремящих вехах,
Пурпурное—в ленинской требе,
Сермяжное—в хвойных стихах.

Недаром мерещится Мекка
Олонецкой серой избе.
Горячий венец человека
Задуть ли самумной судьбе!

От смертных песков есть притини,
Узорный оазис—изба. . .
Грядущей России картины—
Арабская вязь и резьба.

В кряжстой тайге ионугай.
Горилла за вязкой лаптей.
Я грежу о северном рае
Плодов и газельих очей.

Задворки Руси—матюги на заборе,
С пропащей сумой красноносый кабак.
А ветер воет о родимом поморье,
Где плещется солнце—тюлений вожак,

Где заячья свадьба, гагары крестины
И ос новоселье в зобатом дупле...
О, если б в страницах златились долины,
И строфы плясали на звонкой земле!

О, если б ковычки—стада холмогорок
Сходились к перу—грозовому ручью!
Люблю неснотравный гремучий пригородок,
Где тайна пасет двоеточий семью.

Сума и ночлежка—судьбина поэта,
За далью же козлик—дымок над избой
Бодается с просинью—внучкою света...
То сож колыбельный, доселе живой.

Как раненый мор: многоротая книга
Воззвала смертельна: приди! О, приди!
И нал Карфаген—изблая коврига...
Найдет ли изменник очаг впереди?

Иль в зуде построчном, в словесном позоре,
Износит певучий Буслаев кафтан?...
Цветет костоеда на потном заборе—
Бесструнных времен прокаженный коран.

ЛЬВИНЫЙ ХЛЕБ.

„Тридцать три года, тридцать три“,
Это дудка няни—зари.
Моей старой подруги.
Первый седой волос
И морщинок легкие дуги—
Знак, что и в мою волость
Приплетутся гости—недуги:
Лихорадка—поджарая баба,
Костолом—сутулый бродяга...
В тени стиха—баобаба
Залегла удавом бумага.
Под чернильным солнцем улада.
Переваривать антилопу—чувства...
Баобабы пасынки сада
Неувядаемого искусства.
В их душе притаились пумы,
Каннибалов жадный поселок,
Где треплются скальпы—думы
У божничных свирепых полок,
Где возмездие варит травы
Напитывать стрелы ядом,
И любовь мальчионка черниный
С персиковым сладким задом.

В тридцать три года норов
Лобызать, как себя, мальчишку,
Отныне женщины боров
Подарит дитя—свиненка
И не надобна пупорезка
Полосатой тигровой самке...
Песнословного перелеска
Не ищите в славянской камке:—
Питомец деда—Онега
Отведал Львиного хлеба, —
Прощайте изба, телега —
Моя родная потреба!
Лечу ча крыльях самума...
Коршуна, чье яйцо Россия,
В персты арабского Юма,
В огни и флейты степные.
Свалю у ворот Судана
Вязанку стихов овinnых,—
Олонецкого баяна
Возлюбят в шатрах пустынных.
И девушки—бедушки
В Песнослов окунут кувшины...
Не ищите меня на рынке,
Где ярятся бесы—мачины,
Где, оскаля и грифные зубы,
Взвизгивает газета...
В зрачках чернокожей Любы
Заплещет душа поэта...
И заплачут шишками сосны
Над моей пропавшей могилой...

Гридцать третий год высокосный
Вздувает ночи ветрило.
Здравствуй икипер из преисподней!
Я—кит с гарпуном в ласту,
Зову на пир новогодний
Дьяволицу—красоту.
Нам любо сосать в обнимку
Прогорклый собственный хвост,
Нока и нашу зaimку
Хлестнест пургою ногост.

Превний новгородский ветер,
Пахнущий колокольной медью и дымом бурлац-
ких костров.
Таится в урочищах песен,
В дуплах межстрочных,
В дремучих потемках стихов.

Думы—охонецкие сосны
С киноварной мякотью коры,
С тульёй от шапки Ивана-царевича на макушке,
С шумом гусиного перелёта,
С плеском окуниым в излуке ветвей
Живут в моих книгах до вечной поры.
Бобры за постройкой плотины,
Куницы на слежке тетерьей,
И синие прошвы от лыж
К мироварнице—келье пустыниой,
Где Ярые Очи зырянский Иисус
С радельной рубахой на грядке—
Вот мое сердце и знанье и путь.

В стране холмогорской, в нерпячьем снегу,
Под старым тресковым карбасом,
Нашел я поющий, берестинный след
От лаптя, что сплел Ломоносов:
Горящую пятку змея стерегла,
Подследье-ж орлы—рыбогоны,
И пять кашалотов в поморья перстов
Познанья Скалу сторожили.

Я пламенем мозга змею прикормил,
Орлов—песно~~к~~рылою мыслью,
Пяти кашалотам дал зренье и слух,
Чутье с осознанием и вкусом—
Разверзлась пучина, к Познанья Скале
Лазоревый мост обнажая.
Кто раз заглянул в ягеля моих глаз,
В полесье ресниц и межбровья,
Тот видел чертог, где берестинный Спас
Лобзает шаффранного Браму,
Где бабья слезинка, созвездием став,
В Медину ведет караваны,
И солнце Тайти—суропный калач
Почило на пудожском блюде.

Запечную сказку, тресковую рябь,
Луну в толоконном лукошке
У парця в серьге талисманный Памир,
В лучине—кометное пламя,
Тюрбан Магомета в старушьем чепце,
Карнак—в черемисской божнице—
Все ведает сердце, и глаза—изумруд

В зеленые неводы ловит.
Улов непомерный на строчек шесты
Развесила нестуны—память:
Зубатку с кораллом, с дельфином треску,
Архангельский говор с халдейским,
И вышла поэма—ферганский базар
Под сенью карельских погостов.
Пиджачный читатель скупает товар,
Амбары рассудка бездонны,
И звездную тайну страницей зовет,
Стихами жрецов гороскопы,
Ему невдомек, что мой глаз-изумруд—
Зеленое пастбище жизни.

Меня хоронят, хоронят,
Построчная тля, жуки,
Навозные проворонят
Ледоход словесной реки.

Проглазеют моржа золотого
В половодном разливе строк,
Где ловец — мужицкое слово
За добычей стремит членок.

Погребают меня так рано,
Тридцатилетним бородачем,
Засыпают книжным гуано
И брюсовским сюртуком.

Сгинь поджарый! Моя одёжа
Пестрядь нив и ржаной атлас.
Разорвалась тучами рожа,
Что пасла, как отары, нас..

Я из ста миллионов первый
Гуртовщик златогорих слов,
Похоронят меня не стервы,
А лопаты глухих веков.

Пестерним панихидный запах...
Мозг бодает изгородь лба...
На бревенчатых тяжких латах
Восплисала моя изба.

Осетром ныряет в оконцах
Краснобрюхий лесной закат,
То к серпу на солнечных донцах
Пожаловал молот—брат.

И зажглись словесные клады
По запечным дебрям и мхам...
Стихотворные водопады
Прятят бумажным жукам.

Не с того шь из книжных улусов
Тянет предью и кизяком,
Песнослову грозится Брюсов
Изнасилованным пером.

Не ядрен мой рай и чудесен,
В чаше солница рассветный гусь,
И бадью омыты песен
Распилескала поморка Русь.

Из избы вытекают межи,
Русские тракты, Ломоносовы, Ермаки...
Убежать в половецкие вёжи
От валдайской ямщицкой тоски.
Куравиная, русская тяга
С Соловков—на узорный Багдад...
В Марсельезе, в напеве „Варяга“
Она дает судьба—виноград.
Забубенно, разгульно и пьяно,
Бровь—стрела, степь да ветер в зрачках; —
Обольщенная Русь, видно рано
Прозвенел над Нечорою Бах!
Спозаранка знать внук Коловрата¹
Аду Негри дарил перстеньком...
Поседела рязанская хата
Под стальным ливерпульским лучом.
Эфиопская черная рожа
Над родимою пушней взошла.
Хмура Волга и степь непогожа,
Где курганы пурга замела.
Где Светланина треплется лента,
Окровавленый плата лоскун...
Грай газетный и щокот конвента
Славословят с оковами кнут.
И в глухом руднике Ломоносов.
Для Европы издевка — Ермак...
В бубенце и в напеве матросов
Погибающий стонет Варяг.

Глухомань северного бревенчатого городишка,
Где революция, как именны у протопопа.
Ряд обжорный и каланчи вышка
Ждут антихриста, сивушиного потопа.
На заборе кот корноухий
Мурлычит про будошника Егора,
В буриастых растегаях старухи
Греют души на припеке у собора.
Собор же помнит Грозного Бориса,
На створах врат Илья громогласный,
Где-же Свобода в венке из барбариса,
И Равенство — королевич прекрасный?
Здесь не верят в жизнь без участка,
В смерть без кутыи и без протопопа.
Сбываются аракчеевская сказка
Про немчуру и про мужика — холопа:
Немец был списан на икону —
Мужику не вдомеки рожа...
По купецким крышам, небосклону,
Расплеснулся закат — рогожа.
На рогоже страстотерпца Россия
Кажет Богу раны и отеки...
Как за буйство царевна София
Мы получим указ жестокий:
„Стать уездной бревенчатой глухомани
Черной кухней при Утгоф — бароне,
И собору, как при грозном Иоане,
Бить уставы в медные ладони“.

Миновав житейские версты
Умереть, как золе в печурке,
Без малинового погоста,
Без сказки о котике Мурке.

Без бабушки за добрым самоваром,
Когда трепыхает ангелок—лампадка...
Подружиться с яростным паром
Человечеству не загадка.—

Прежевальский в желтом Памире
Видел рельсы—прах тысячелетий...
Грянет час, и к мужицкой лире
Припадут пролетарские дети.

Упьются озимью, солодягой,
Подлавочной ласковой сонатой,
Уж загрезил пасмурный Чикаго
О коньке над пудожскою хатой.

О сладостном соловецком чине
С подблудными славами, хвалами...
Над Багдадом но моей кончине
Заширяют ангелы крылами.

И помянут пляскою дервиши
Сердце—розу смятую в Нарыме,
А старуха—критика запишет
В поминанье горестное имя.

Запах инбиря и мяты
От парня с зелеными глазами:
Какие Припяти и Ефраты
Протекают в жилах кровями?
Не закат ли пустыни в мочках,
Леопарды у водопоя?
В осиновых терпких почках
Есть одет хаддайского зноя.
Есть в плотничих звонких артелях
Отгулы арабской стоянки,
Зареет в лапландских мятелях
Коралловый пляс негритянки.
Кораллы на ладожской юфти—
К словесному знати половодью...
В церквушке узорчатый муфтий
Рыдает над ветхой триодью.—
То встреча в родимых бороздах
Зерна с земляными сосцами.
У парня в глазницах, как в звездах,
Ночное, зеленое пламя.
Как будто в бамбуковых дебрях
За маткой крадутся тигрята,
И желчью прозябли на вербах
Инбирь и чилийская мята

Петухи горланят перед солнцем,
Пред фазаньим лучем на геранях.
Над глухим, бревенчатым Олонцем
Небеса в шамаханских тканях.

И не верится, что жизнь—обида
С бесхлебицею и бестишьем,
Это возводится Семирамида
Повеленьем солнечным вышним.

Тяжек молот, косны граниты,
В окровавленых ризах зодчий...
Полюбил кумач и бархат рытый,
Как напев, обугленый рабочий.

Только-б вышить жребий кумачный
Бирюзой кокандской, смирским шолком,
Что-бы некто чопорно-ниджачный
Не раставил Громное по полкам.

Что-бы в снедь глазастым микроскопам
Не досталась песня, кровь святая...
В белой горенке у протопопа
Заливается талъянка злая.

Кривобоки церковь и хавченки
Позабыв о купле, Божьих данях...
Петухи горланят в перегонки
О фазаньем солнце на геранях.

Поле усеяное костями,
Черепами с беззубою зевотой,
И над ним, гремящий маховиками,
Безымянный и безликий кто-то.
Кружусь вороном над страшным полем,
Узнаю чужих и милых скелеты,
И в железных тучах демонов с дрекольем
Провожающих в тартар серные кареты.
Вот шестерня битюгов крылатых
Запряженных в кузов, где Есенина поэмы.
Господи, ужели и в рязанских хатах
Променяли на манишку ржаные эдемы!
И нет Ярославны поплакать зигзицей,
Прекрасной Евираксии низринуться с чадом...
Я—ворон, кружусь над великой гробницей,
Где челюсть осла с Менделеевым рядом.
Мой грай почитают за песни народа, —
Он был в миллионах годин и столетий...
На камне могильном старуха — свобода
Из саванов вяжет кромешные сети.
Над мертвою степью безлиное что-то
Родило безумие, тьму, пустоту...
Глядь, в черепе утлом осинные соты,
И кости ветвятся, как верба в цвету.
Светила слезятся запястьем перловым,
Ручей норовит облобзаться с лозой,
И Бог зеленеет побегом ветловым
Под новою твердью, над красной землей.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

салтырь царя Алексия	7
вет неприкосновенный, свет неприступный	9
Россия плачет пожарами	10
И знаю, рождаются песни	12
мирают звезды и песни	14
Проститься с лаптей-мнлягой	16
Соровы—платиновые зубы	18
Иридет Караван с шафраном	20
Уровое булыжное государство	22
Цомик Петра Великого	24
Бурна на зырянской свадьбе	26
З шестнадцать— кудри да посиделки	28
На помин олонецким бабам	30
Сыпалась избяная сказка	32
Кенилось солнце, женилось	34
Геперь бы Казбек—коврига	36
Келезо	38
Солнце избу взнуджало	40
Солнце верхом на овине	42
Родина, я умираю	44
Родина, я грешен, грешен	46
Поселиться в лесной избушке	48
Братья, мы забыли подснежник	50
Геперь бы герань на окнах	52

На заводских задворках, где угольный ад	53
В степи чумацкая зола	55
В васильковое утро белее рубаха	57
В заборной щели солнышко кусок	59
Мать	60
Строгоновские иконы	62
Узорные шаровары	64
Маяковскому грезится гудок над зимним	66
Блузник сапожным ножем	68
Повешенным вниз головою	69
У вечерни два человека	70
Убежать в глухие овраги	72
Незримая наутинка	74
Портретом ли сказать любовь	75
Чернильные будни в комиссариате	77
У соседа дочурка с косичкой	79
По мне пролеткульт не заплачет	81
Задворки Руси — матюги на заборе	83
Львиный Хлеб	85
Древний новгородский ветер	88
Меня хоронят, хоронят	91
Из избы вытекают межи	93
Глухомань северного бревенчатого городишка	94
Миновав житейские версты	95
Запах инбиля и мяты	97
Петухи горланят перед солнцем	98
Поле усеяное костями	100

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НАШ ПУТЬ“

Москва, Спиридовка, 16, кв. 23.
Телеф. 5-19-07.

1. Фрапье. Рассказы (с франц.)
2. Н. Клюев. Львиный хлеб (стихи).
3. В. Зюрюкин. Сельско-хозяйствен. артели на Западе.

Готовятся к печати след. книги:

4. О. Форш. Равви (драма).
5. О. Л. Чижиков. Краткий курс кооперации.
6. И. З. Штейнберг. Дантоново и Робеспьерово нача-
ло в революции.
7. Иванов-Разумник. Россия и Европа.
8. К. Эрберг. Красота и свобода.
9. А. З. Штейнберг. Система свободы Ф. М. Досто-
евского.
10. И. К. Михайловский. Хрестоматия из его произ-
ведений.
11. И. Л. Лавров. Хрестоматия.
12. А. И. Герцен. Хрестоматия.
13. «Судьбы революционного народничества» Сборник ста-
тей: Я. Брауна, В. Вольского, Иванова-Разумника,
Б. Камкова, Г. Нестроева, В. Трутовского, О. Чижи-
кова, И. З. Штейнберга, А. З. Штейнберга.
14. Новости техники за-границей.
Непериодич. сборники, под редакц. Л. И. Корчинского
15. А. Ляцко. Рассказы о войне (С венг.).
16. Э. Толлер. Масса-Человек. Драма (перев. с немецк.).
17. Э. Мюзами. Иуда, Драма (перев. с немецк.).

3000 экз. (Р. В. Ц.) Москва. № 731 1/II
Тип. Искусство и Труд. 31-ая МСИХ, аренд. Г. У. М. Никольская.